

М.А. Курьшева

ВИЗАНТИЙЦЫ И НОРМАННЫ: ПРОБЛЕМЫ СИМБИОЗА*

В XI–XII вв. во время установления норманнского господства в южно-итальянском регионе происходит взаимодействие греческого и латинского (а на Сицилии – арабского) населения Южной Италии и вследствие этого – постепенная латинизация греков и арабов. В настоящее время достаточно хорошо изучена политическая история региона, однако сравнительно мало уделялось внимания мирным формам взаимоотношений между этносами. Блистательная и яркая история завоеваний и смен правлений не должна, однако, заслонять для современного историка все остальные проявления разнообразной сложной реальности той эпохи. Слишком мало известно об отношениях в мирное время между местным христианским населением (с определенной долей условности мы имеем в виду греков) и латинянами (в первую очередь норманнами) на землях Южной Италии. До сих пор нельзя однозначно ответить на вопрос, был ли этот регион открыт для чужаков, селились ли они на землях империи, интегрируясь в местное сообщество, или же так и оставались чуждыми обществу и культуре Византийской империи, а также каковы были условия их сосуществования. Отчасти восполнить этот пробел может анализ антропонимов, встречающихся при исследовании актового материала.

Антропонимические исследования не новы в византинистике. Можно, например, вспомнить антропонимические штудии историков Равеннского экзархата (А. Гийу, Т. Брауна, О. Бородина¹) или же некоторые просопографические исследования по средневизантийскому периоду в отечественной византинистике (я имею в виду в первую очередь А. Каждана²), а также по поздневизантийскому периоду (монография Д. Моравчика³, работы Р. Шукурова⁴). Подобные изыскания значительно облегчаются сегодня в связи с появлением “Просопографического словаря палеологовского времени” – труда австрийских медиевистов, вобравшего почти всю антропонимику

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ (проект № 04-01-00212а).

¹ *Guillou A. Régionalisme et indépendance dans l'Empire byzantine au VIIe siècle. L'exemple de l'Exarchat et de la Pentapole d'Italie. Roma, 1972 (Istituto storico italiano per alto medioevo. Studi storici. Fasc. 75–76). Brown T.S. Gentlemen and Officers. Imperial Administration and Aristocratic Power in Byzantine Italy. Ad 554–800. Rome, 1984; Бородин О.П. Византийская Италия в VI–VIII вв. Барнаул, 1991.*

² *Каждан А.П. Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии XI–XII вв. Предварительные выводы // ВЗ. 1973. Bd. 66. S. 47–60; Он же. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974; Он же. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975.*

³ *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 1–2. Leiden, 1983.*

⁴ *Шукуров Р.М. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в средние века. Вып. II. М., 1995. С. 68–103; Shukurov R. The Byzantine Turks of the Pontos // Mésogeos. 1999. 6. P. 7–47.*

поздневизантийского времени⁵, а также немецкого просопографикона средневизантийского периода⁶.

Итоги этих и подобных исследований показали, что антропонимический материал достаточно надежный (а во многих случаях и единственный) источник для реконструкции этнического состава исследуемых обществ, с его помощью вполне могут быть выявлены личности и даже прослежены пути проникновения и приспособления варваров в греческом обществе.

В настоящей работе мы попытаемся разобрать антропонимику норманнского происхождения по сфрагистике, документам и нарративным свидетельствам в Византии и в южноитальянских источниках – в греческих актах, которые происходят из пяти монастырских архивов Южной Италии и Сицилии (по опубликованным источникам), – почти единственных сохранившихся свидетельствах проживания греков на этих территориях. Значительная часть имен, собранная нами, относится к лицам латинского происхождения, принадлежащим к низшим и средним слоям общества, что затрудняет поиски аналогий для имен в современных византийских нарративных источниках. Отмеченное обстоятельство, равно, как и обычная для греческих источников высокая степень вариативности написания имен, даже греческого происхождения, не говоря уже об иноязычных именах, усугубленная особенностями орфографии наших источников, созданных отнюдь не в самой высокообразованной среде, создает дополнительные трудности для этимологизации имен. Поэтому в данной работе мы предполагаем рассмотреть те бесспорно норманнские имена и патронимы, которые имеют точные аналогии в византийских нарративных источниках и латинских хрониках. Мы ограничимся здесь рассмотрением имен лишь бесспорно норманнского происхождения, поисками их истоков и некоторыми моментами их бытования как в Византии, так и в южноитальянском регионе, откуда они собственно и попали в Византийскую империю, а также вопросам эллинизации их владельцев, которые частично можно проследить в наших источниках.

Первым прозвищем-патронимом норманнского происхождения в Византии являлся Франкопул (Φραγγόπουλος) – прозвище по этнониму, означающее “сын франка”⁷. Ко времени от смерти Василия II до воцарения Алексея I Комнина по печатям известны самые яркие представители, носящие этот патроним: Ервевий Франкопул (Ἐρβεβίος ὁ Φραγγολῶλος) – норманнский наемник, вестиярит, один из виднейших полководцев империи, а также норманнский рыцарь – вестиярит Урселий Франкопул (Οὐρσελίος Φραγγολῶλος)⁸.

⁵ Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Wien, 1976–1996.

⁶ Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867). Bd. 1–4. Nach Vorarbeiten F. Winkelmanns erstellt R.-J. von Lilie, Cl. Ludwig, Th. Pratsch, I. Rochow unter Mitarbeit W. von Brandes, J.R. Martindale, B. Zielke. B., 1999–2001.

⁷ Laurent V. Légendes sigillographiques et familles byzantines // EO. 1931. XXX. P. 469.

⁸ Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Ed. I. Thurn. B.; N.Y., 1973. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. V). P. 467–468, 484–486; Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantine. P., 1884. P. 656–664; Idem. Deux chefs normands des armées byzantines // Revue historique. 1881. XVI. P. 296 sqq.; Regling K. Byzantinische Bleisiegel III // BZ. 1924. Bd. XXIV. P. 102–103. № V; Simpson A.J. Three Sources of Military Unrest in Eleventh Century Asia Minor: The Norman Chieftains Hervé Frankopoulos, Robert Crispin and Roussel de Bailleul // Mésogeios. 2000. 9–10. P. 181–207.

Для XII в. известны печати Льва Франкопула⁹, Феодора Франкопула¹⁰ и Криспина Франкопула, которого можно связать с Робертом Криспином¹¹, Николая Франкопула – ипертата и протоновелисима¹².

К концу XII в. известны следующие Франкопулы: Иоанн Франкопул¹³ – грамматик в патриаршей школе в Константинополе, что свидетельствует об определенной степени эллинизации потомков оказавшихся в Византии норманнов. После 1204 г. Андроник Франкопул обучает в Никее и вступает в переписку с императором Феодором II Ласкарем (1254–1258)¹⁴. Был и Франкопул императорский грамматик при никейском дворе¹⁵, Георгий Франкопул – дука Фессалоники (ок. 1220 г.)¹⁶, а также Феодор Франкопул в районе Велл в Эпире¹⁷. По печати XII–XIII в. известен мистик Николай Франкопул. В XIV в. Франкопул был никейским митрополитом¹⁸. В палеологовское время Франкопул – часто встречающийся патроним¹⁹, однако почти невозможно определить, кто из носящих его действительно ведет свой род от истинных норманнских эмигрантов. Таким образом, к концу XII в. Франкопулы – это полностью эллинизированная семья: в Византии у них высокое социальное положение, они носят византийские титулы, преподают в школах и создают

⁹ *Laurent V. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine. Athènes, 1932. N 405. P. 144.*

¹⁰ *Ibid. N 561. P. 195.*

¹¹ Вполне вероятно, что “Криспин Франкопул” XII в. возможно расшифровывать как “Криспин сын Франка”, т.е. сын известного латиняно-норманна Роберта Криспина, современника Эрвевия и Урселия Франкопулов (*Schlumberger G. Sigillographie... P. 657*). Однако это всего лишь предположение, и нет причины рассматривать этого Криспина Франкопула как истинного потомка норманнского рыцаря.

¹² *Laurent V. Les bulles métriques... N 562. P. 195–196; Idem. Légendes sigillographiques... P. 467, 468; Idem. Légendes sigillographiques et familles byzantines // EO. 1932. XXXI. P. 344–347.*

¹³ *Browning R. The Patriarchal School at Constantinople in the Twelfth Century // Byzantion. 1963. XXXIII. P. 22; Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897. S. 474.*

¹⁴ *Theodori Ducae Lascaris Epistolae CCXVII / A cura di N. Festa. Firenze, 1898. N 217. P. 271; Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur. S. 478.*

¹⁵ *Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vol. IV. Vindobonae, 1871. P. 9, 232–233; Laurent V. Légendes sigillographiques et familles byzantines // EO. 1931. XXXIV. P. 471; Ahrweiler H. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les lieux occupations turques (1081–1317), particulièrement au XIIIe siècle // TM. 1965. Vol. I. P. 161; Angold M. Byzantine Government in Exile. Government and Society under the Lascarides of Nicaea (1204–1261). Oxford, 1975. P. 166.*

¹⁶ *Analecta Sacra et Classica Spicilegio Solesmensi Parata / Ed. J.B. Pitra. VI. Roma, 1891. Col. 454.*

¹⁷ *Bees N.A. Unedierte Schriftstücke aus der Kanzlei des Johannes Apokaukos des Metropolitens von Naupaktos (in Aetolien) / Ed. E. Bees-Seferli // Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher. XXI. 1971–1976. 1976. N 39. S. 97–99.*

¹⁸ Эпитафия ему написана Мануилом Филом (см.: *Manuelis Philae Carmina / Ed. E. Miller. T. II. P., 1857. P. 280–281*).

¹⁹ О Франкопулах см.: *Laurent V. Légendes sigillographiques... // EO. 1931. XXX. P. 467–473; Idem. Légendes sigillographiques... // EO. 1931. XXXIV. P. 469, 471–473; Idem. Légendes sigillographiques... // EO. 1932. XXXI. P. 346–347; Idem. Les Regestes des Actes du patriarcat de Constantinople. I: Les Actes des Patriarches. Fasc. IV: Les Regestes de 1208 a 1309. P., 1971. N 1541. P. 329–330; Каждан А.П. Социальный состав... С. 216; это Николай Франкопул – колоритная персона в XIII в.: *Laurent V. La Collection C. Orghidan: Documents de sigillographie byzantine. P., 1952. N 463. P. 233*; некий Георгий Франкопул, автор труда по этимологии в 1310 г.: *Turyn A. Codices Graeci Vaticani saeculis XIII et XIV scripti annotumque notis instructi. Città del Vaticano, 1964. P. 108*; об одном из носящих патроним Франкопул в 1270 г. сказано “*Francopolum, hominem domini imperatoris*”, см.: *Tafel G.L.F., Thomas G.M. Urkunden zur älteren Handels- and Staatsgeschichte der Republik Venedig. III. Wien, 1857. P. 176–177*. Некоторые члены семьи известны в XIV и XV вв., см.: *PLP. 30080–30104, 30131–30139*.*

литературные произведения, принимают православную веру и занимают места в церковной иерархии. Их патроним напоминает тем не менее о варварском происхождении их предков.

Нынешний объем введенных в оборот источников не позволяет сколько-нибудь полно описать пути проникновения чужеземцев на территорию империи. Однако некоторые линии этого проникновения все же можно наметить.

Главный источник появления “иностранцев” – норманнов – в Византии это в первую очередь – военные формирования. Процесс включения иноземных рыцарей в византийское общество начинался с наемничества.

Однако для полной интеграции выходцев с Запада в византийское общество, к которой, видимо, они стремились, требовались длительные вассальные отношения между императором и личностью. Для этого необходимы были, и это мы попытаемся показать, три важнейших условия, которые редко выполнялись полностью: 1) свободное владение греческим языком; 2) обращение в православную веру; 3) матримониальные связи с византийскими семьями с последующим постепенным полным растворением в византийском обществе. Они и являются для нас критериями при исследовании включения или невключения чужеземцев в новую для них общественную структуру. Таковым можно считать также обретение ими имущества на византийской территории и долгое, из поколения в поколение, обладание земельной собственностью в Византии²⁰.

С первым условием, похоже, проблем все же не было. Почти все подписи под документами, за редким исключением, они писали по-гречески, вступали в переписку с образованнейшими людьми своего времени, копировали рукописи, создавали литературные произведения. Относительно второго, то определенно, что латинянин не мог быть включен как полностью интегрированный член византийского общества без его обращения в православную веру или по крайней мере без православного крещения детей, носящих его имя. Византийское каноническое право было до некоторой степени амбивалентно в случае смешанных браков между православными и католиками²¹.

Что касается третьего, в общем довольно очевидно: смешанные греко-латинские семьи, жившие более чем одно поколение в Византии как полноправные члены общества, должны были быть православными и грекоязыч-

---

²⁰ Как можно допустить, обращение некоторых из представителей в монашество в конечном итоге можно считать высшим выражением такого процесса интеграции.

²¹ Ярким примером является судьба Марии Венгерской, которая вышла замуж за византийского императора Исаака II Ангела (1185–1195, 1203–1204) и приняла православие. После его смерти и Четвертого крестового похода она вышла замуж вторично за Бонифация Монферратского. Папа Иннокентий III особо следил за тем, чтобы она снова приняла латинскую веру. Другой пример из жизни аристократии в XIII в.: после Четвертого крестового похода в Эпире и Фессалии 8 из 11 женщин из знатных греческих семей вышли замуж за латинян, ни один из которых не женился без православного обряда. Греки Эпира были потрясены браками с латинянами, заключенными никейскими императорами Феодором I Ласкарисом (1208–1222) и Иоанном III Дукой Ватацем (1222–1254) (см.: *Nicol D.M. Mixed Marriages in Byzantium in the Thirteenth Century // Studies in Church History / Ed. C.W. Dugmore, C. Duggan. I. London; Edinburgh, 1964. P. 163; Idem. Symbiosis and Integration. Some Greco-Latin Families in Byzantium in the 11th to 13th Centuries // Nicol D.M. Studies in Late Byzantine History and Prosopography. L., 1986. N. III. P. 119–121).*

ными. Однако, как правило, они “забывали” свои западные корни и, таким образом, теряли свою этническую идентичность, впоследствии же их потомки чаще всего полностью ассимилировались. Тем не менее мы имеем примеры трех семей бесспорно норманнского происхождения, которые достаточно успешно включились в этот процесс тотальной интеграции и все же попытались сохранить свои латинские имена, возможно, восходящие к трем норманнским наемникам XI в. Их эллинизированные патронимы – Рогерий, Рауль и Петралиф. Рассмотрим их по порядку.

Первый патроним образовался, вероятно, от имени норманнского рыцаря Рожера в войске Роберта Гвискара (1015–1085). Этот Рожер воевал вместе с Алексеем I Комнином в 1081 г. и получил титул севаста. Когда он умер в начале XII в., знаменитый врач и поэт Николай Калликл составил в его память эпитафию²². Это поэтическое произведение описывает перипетии жизни норманнского воина Рожера во франкских землях, когда он двинулся с латинского Запада на греческий Восток. Повествует о многих его воинских подвигах в Италии и Иллирии с Робертом Гвискараром, после которых он перешел на сторону императора Алексея. Получив высокий чин севаста, он породнился со знатной византийской семьей, обзавелся детьми и сражался против “врагов империи ромеев”. Таким образом, мы имеем здесь, если так можно выразиться, поэтическое свидетельство о процессе интеграции, который в жизни норманна Рожера прошел весьма успешно. Он осел, эллинизировался под своим именем Рогерий (а не под безликим Франкопул – “сын франка”!), и его семья стала носить это имя. Заманчиво было бы идентифицировать его с Рогерием, имя которого стоит под Девольским договором 1108 г. Анна Комнина называет его Рожер, сын Такуперта или Дагоберта – ‘Ρογέρης ὁ τοῦ Ταχουτέρτου²³. Он же фигурирует в одной латинской хронике как Rotgerus filius Dagoberti, которого Алексей I отправляет в посольство к Готфриду Бульонскому в 1096 г.²⁴, и “франк Рогерий”, посланный с миссией к Бозмунду Тарентскому в 1107 г.²⁵

Как представляется, его можно считать родоначальником патронима разных Рогериев, которые начинают основательно эллинизоваться в XII в. Процесс их интеграции при императорах-латинофилах Иоанне II (1118–1143) и Мануиле I (1143–1180) был завершен в пределах одного поколения. Так, известен Константин Рогерий, который умер до 1136 г. Он имел чин севаста и был таким усердным православным, что его имя как благодетеля поминалось три раза в году в монастыре Пантократора в Константинополе²⁶. Можно предположить, что он мог бы быть сыном “первого” норман-

²² Cantarella R. Poeti Bizantini. I. Milano, 1948. N LXXVII. P. 176–177 (ранее издано: Nicolai Calliclis Carmina / Ed. L. Sternbach. Cracovie, 1903. N VI. P. 321–322); См. также: Mathieu M. Cinq poésies byzantines des XIe et XIIe siècles // Byzantion. 1953. Vol. XXIII. P. 137–140.

²³ Anna Commune. Alexiade. II / Ed. Reifferscheid. Leipzig, 1884. P. 221; III / Ed. B. Leib. P., 1945. P. 138. (Далее: Анна. II).

²⁴ Albert of Aix. Historia Hierosolimitanae expeditionis... // Recueil des Historiens des Croisades, Historiens Occidentaux. IV. P., 1879. P. 305; PL. CLXVI. Col. 415C.

²⁵ Anna. II. P. 187, 202, 205; III. P. 101, 117, 120; Force M. de la. Les conseillers latines d'Alexis Comnène // Byzantion. 1936. Vol. 11. P. 160.

²⁶ Lampros Sp. ‘Ο Μαρξισανός κῶδιξ, 524 // NE. 1908. V. P. 396; Gautier P. L'obituaire du Typikon du Pantokrator // REB. 1969. T. XXVII. P. 235–262; Laurent V. Les bulles métrique... N 562. P. 186.

дворца и основал монастырь Богородицы Хрисокарнариотиссы в Константинополе³⁵. Больше упоминаний о Рогериях нет. Но, видимо, они сохранили свое значение и свой патроним до конца XII в. Их наследники, вероятно, предпочитали опустить со временем “варварское” имя своих предков в пользу более достойного византийского патронима, приобретенного благодаря женитьбе.

Этого не произошло с потомками другого норманнского ренегата – Рауля, который, как пишет Анна, был братом Рожера и входил в состав посольства Роберта Гвискара к Никифору III Вотаниату (1078–1081)³⁶, следовательно, также происходил от Дагоберта. Рауль сбежал от гнева Гвискара и его сына Боэмунда, которые были тогда в Иллирии. Он был одним из тех, кто участвовал в посольстве Алексея I Комнина к Готфриду Бульонскому, описанном латинским хронистом Альбертом Аахенским³⁷.

Эллинизация семьи Рауля в историографии уже была объектом специальных исследований³⁸, поэтому мы лишь вкратце наметим основные вехи в ее истории. Она представляет особый интерес не только потому, что долго просуществовала, но и потому, что ее члены в отличие от Рогериев единственные, кто сохранил свое родовое имя, ставшее впоследствии патронимом, продержавшимся вплоть до XV в.

Одна из подписей под Девольским договором в 1108 г. – “Умбертос, сын Грауля”. Спустя 30 лет появляется имя писца двух греческих кодексов теологического содержания (хранящихся в Вене), который в колофоне в 1139 г. определяет себя как “Лев из семьи Рауля”, “ἀμαρτωλὸς καὶ ἀνάξιος” (“грешный и недостойный монах”). Таким образом, к 1139 г. этот представитель рода Раулей был уже совершенно эллинизирован и интегрирован в греческое общество (он упоминается также в типиконе монастыря Пантократора в Константинополе³⁹).

Изначально членам этой семьи были свойственны военные функции. Однако со времени Алексея I о полководческой деятельности Раулей нет упоминаний в источниках⁴⁰. Они, вероятно, искали “новые” родовые связи в иной социальной среде и к этому времени превратились в гражданскую знать. Эта семья принадлежала к высшему правящему слою. Несмотря на нечастое упоминание семьи Раулей в XII в., ее члены, возможно, относились к элите: они владели большими землями во Фракии⁴¹. Константин Рауль имел достоинство пансеваста севастов при Исааке II Ангеле (1185–1195) и участвовал против него в заговоре, провозгласившим императором брата

³⁵ *Laurent V. Andronic Rogerios, fondateur du couvent de la Théotokos Chrysokanariotissa et son sceau inédit au type de l'“offrande” // Academie Roumaine. Bulletin de la section historique. 1946. XXVII. P. 74; Stiernon L. Notes de titulature... la famille Rogérios. P. 191; Papadopoulou-Kerameus A. Ἀνάλεхта Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας. II. СПб., 1894. С. 367. Ферjanчић Б. Апанажни посед кесара Јована Рогерија. P. 199; The Oxford Dictionary of Byzantium. P. 1802.*

³⁶ τοῦ Ῥαὺλ τοῦ ἀδελφοῦ Ῥογέρη... (Anna. I. P. 52; II. P. 55; *Force M. de la. Les conseillers...* P. 161–162).

³⁷ *Albert of Aix. Historia...* P. 305.

³⁸ *Χάτζη Α.Χ. Οἱ Ῥαὺλ, Ῥάλ, Ῥάλαι (1080–1800). Kirrhain, 1908; Fassoulakis S. The Byzantine Family of Raul-Ral(I)es. Athens, 1973; Βλαχοπούλου Φ. Μιά ὑστεροβυζαντινὴ οἰκογένεια: οἱ Ῥαὺλ-Ῥαλ(λ)ήδες // Βυζαντινὴ καὶ Νεοελληνικὴ Μυριόβιβλος. 1987–1988. 12–13. Σ. 22–24.*

³⁹ *Gautier P. L'obituaire du Typikon du Pantokrator // REB. 1974. XXXII. P. 123.*

⁴⁰ *Каждан А.П. Социальный состав... С. 172.*

⁴¹ *Carile A. Partitio terrarum Imperii Romanic // Studi Veneziani. 1965. N 7. P. 219.*

Исаака Алексея III Ангела (1195–1203) в 1195 г.⁴² Надпись на его печати “Константин Рауль Дука севаст”. Возможно, его отец был женат на Дукене и присоединил этот прославленный патроним к своему родовому имени. Хониат описывает Константина Рауля как родственника императора Алексея III Ангела⁴³. Раули в отличие от Рогериев гордились своим патронимом и не стыдились оставлять его, добавляя к нему те имена, которые приобретались с течением времени.

До самого конца XII в. эта грецизированная семья сохранила свое влияние в высших византийских кругах. В договоре о разделе империи 1204 г. Раули обозначены как крупнейшие землевладельцы, имперская элита, ближайшие к императорскому дому⁴⁴. Они активно действовали после 1204 г. в Никее⁴⁵. Полководец Алексей Рауль, сын Константина Рауля, женился на племяннице императора Иоанна III Дуки Ватаца (1222–1254) и был возведен в достоинство протовестиария. Как и многие другие, он был лишен его Федором II Ласкарисом в 1254 г. и четыре его сына были брошены в тюрьму⁴⁶. Спустя годы, после восшествия на престол Михаила VIII Палеолога (1261–1282), они снова появляются при дворе императора⁴⁷. Иоанн Рауль, старший сын, расположив к себе Палеологов, был возведен в ранг протовестиария и женился на племяннице Михаила VIII Палеолога Феодоре. Она пережила своего мужа и умерла в монастыре в 1300 г. Она более известна как Феодора Раулена – одна из самых образованных женщин своего времени⁴⁸. Именно для нее и ее окружения на рубеже XIII–XIV вв. был изготовлен ряд великолепных кодексов, в специальной литературе получивших определение как рукописи константинопольского “скриптория” Феодоры Раулены, написанные архаизирующими почерками⁴⁹. В одном из манускриптов – ее автографе – она перечисляет полностью свое имя: Кантакузина Ангелина Дукена Палеологиня, жена Иоанна Рауля Дуки⁵⁰. Раули достигли таких должностей и титулов, как великий доместик, великий стратопедарх, вели-

⁴² *Fassoulakis S. The Byzantine Family of Raul-Ral(I)es. N 4. P. 13–14.*

⁴³ *Nicetae Choniatae Historia / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1835. P. 593; Polemis D.I. The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. L., 1968. P. 173.*

⁴⁴ *Каждан А.П. Социальный состав... С. 214–216.*

⁴⁵ *Жаворонков П.И. Состав и эволюция высшей знати Никейской империи: элита // Византийские очерки. 1991. С. 88, 90.*

⁴⁶ *Georges Pachymérès. Relations historiques / Éd., introd. et not. par A. Failler. Trad. française par V. Laurent. P., 1999. III. P. 173.11–15; Fassoulakis S. The Byzantine Family of Raul-Ral(I)es. N 5. P. 15–16; PLP. 2410.*

⁴⁷ Имена троих из сыновей Алексея известны: протовестиарий и полководец в походе против Михаила II Ангела (ок. 1231–1268 гг.) Иоанн Рауль (PLP. 24125); Исаак и Мануил Раули – оба брата дважды сидели в тюрьме и были ослеплены за свои оппозиционные взгляды в 1280 г. (PLP. 24120, 24132). У Алексея Рауля был еще четвертый сын, имевший дочь Ирину, которая вышла замуж за Константина, сына Михаила VIII (Χάτζη Α.Χ. Οἱ Ῥαῦλ, Ῥάλ, Ῥάλαι (1080–1800). Kirchhain, 1908. Σ. 23, 78).

⁴⁸ *Fassoulakis S. The Byzantine Family of Raul-Ral(I)es. N 11. P. 25–26; Nicol D.M. The Byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenos) ca. 1100–1460. A Genealogical and Prosopographical Study // DOS. XI. 1968. N 14. P. 16–19; The Oxford Dictionary of Byzantium. P. 1772; PLP. 21382 (Παλαιολογίνα, Θεοδώρα Κομνηνῆ Δούκαινα Ῥαούλαινα).*

⁴⁹ О “скриптории” Феодоры Раулены: *Фонкич Б.Л. Византийские скриптории (некоторые итоги и перспективы исследования) // ЮВ. 1981. Bd. 31. S. 443–444.*

⁵⁰ Автограф Феодоры Раулены находится среди греческих рукописей ГИМ в Москве см.: *Фонкич Б.Л. Заметки о греческих рукописях советских хранилищ // ВВ. Т. 36. 1974. С. 134.*

кий логофет, севастократор и деспот⁵¹. Об апофеозе, которого достигла эта семья, говорит имя одного из членов семьи первой половины XV в.: Иоанн Торник Дука Ангел Палеолог Рауль Ласкарис Филантропин Асень⁵². Вполне возможно, что в патроним включались и не прямые предки, которыми они гордились⁵³.

Похожей была и судьба норманнской семьи Петралифов (Петрал[ε]ίφας, ж.р. – Πετραλίφαινα)⁵⁴. И снова отправной точкой их истории явился Девольский договор между Алексеем I и Боэмундом, где среди прочих фигурирует Петр Алифа (τοῦ Ἀλίφα – образовано от топонима – местность недалеко от Казерты в Южной Италии). Во время вторжения в Эпир Роберта Гвискара он воевал вместе с ним против Алексея I. После смерти Роберта в 1085 г. он перешел в византийский лагерь. В 1097 г. этот норманнский рыцарь оказывается в византийской армии под командованием Татикиа, которое сопровождало крестоносцев через Анатолию⁵⁵. В 1107 г. он вместе с Рогерием находился в составе посольства Алексея I к Боэмунду. Анна описывает Петра Алифу как человека прославленного в войне и в постоянстве его преданности императору⁵⁶. После 1108 г. в награду он получает земли в районе Дидимотихон во Фракии.

Сорок лет спустя Никита Хониат помнил храбрость четырех братьев из семьи Петралифов из Дидимотихона во времена кампании Мануила по освобождению Корфу от норманнов⁵⁷. Никифор Петралиф воевал под командованием Иоанна Дуки в 1166 г. Алексей Петралиф, представленный на соборе 1166 г. как севаст и вестиярит императора, в 1173 г. командовал армией в Анатолии⁵⁸. Некий Иоанн Петралиф упоминается вместе с Константином Раулем среди заговорщиков против Исаака II в 1195 г.⁵⁹ Севастократор Никифор Комнин Петралиф утверждал афонский монастырь Ксиропотам в правах на владение имуществом, которое он унаследовал от своей бабки Марии Комнины Цусмены⁶⁰. Севастократор Иоанн Петралиф был правителем Фессалии и Македонии в конце XII в.⁶¹

⁵¹ Fassoulakis S. The Byzantine Family of Raul. N 13, 32, 16, 31, 61; PLP. 1506 (Ἀσάνης, Μανουὴλ Κομνηνός Ῥαοῦλ), 1519 (Ἀσάνης Ῥαοῦλ), 17788 (Μελίκης, Μανουὴλ Ῥαοῦλ), 17789 (Μελίκης, Μανουὴλ Ῥαοῦλ Παλαιολόγος), 17790 (Μελίκης, Ματθαῖος Ἀσάνης Παλαιολόγος Ῥαοῦλ), 17984 (Μετοιχίτης, Μανουὴλ Ῥαοῦλ), 21531 (Παλαιολόγος, Μιχαὴλ Ῥαοῦλ).

⁵² Ibid. N 72; PLP. 1502 (Ἀσάνης, Ἰωάννης Торνίτζης Δούκας Ἄγγελος Παλαιολόγος Ῥαοῦλ Λάσκαρις Φιλανθρωπηνός).

⁵³ C XIV в. Раули теряют свое значение, только на Пелопоннесе позднее представители этого рода играли важную роль в сопротивлении туркам. Раули сопровождали Софью Палеолог в Москву, где они выполняли роль дипломатов (см.: *Скржинская Е. Ч.* Кто были Ралефы после Ивана III в Италии // *Проблемы истории международных отношений.* Л., 1972. С. 267–281).

⁵⁴ The Oxford Dictionary of Byzantium. P. 1643.

⁵⁵ Gesta Francorum / Ed. L. Bréhier. P., 1924. IV, 11. P. 60–62; The Ecclesiastical History of Ordericus Vitalis. Oxford, 1975. IX, 8. P. 66.

⁵⁶ Anna. II. P. 187; III. P. 101.

⁵⁷ Nicetae Choniatae Historia. P. 110.

⁵⁸ Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum. P. 292; PG. CXL. Col. 236D.

⁵⁹ Nicetae Choniatae Historia. P. 593.

⁶⁰ Actes de Xéropotamou / Ed. J. Bompaire. P., 1964 (Archives de l'Athos. III). N 8. P. 67–71; *Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948. N 33. P. 90–93.

⁶¹ *Ферjanчић Б.* Севастократор в Византији // ЗРВИ. 1968. XI. P. 141–192.

Таким образом, потомки Петра Алифы к концу XII в. полностью эллинизировались и интегрировались в византийское общество. После латинского завоевания их служба была “поделена” между Эпиром и Никеей. Другая ветвь семьи осталась в Греции, Сербии, и эти территории были захвачены Феодором Комнином, дукой Эпира в 1223 г., где он женился на Марии Петрالیфине. Она была сестрой Иоанна Петрالیфа в Никее, один из сыновей которого, Феодор, женился на дочери Димитрия Торника, великого логофета Феодора I Ласкариса в Никее. О сестрах Феодора и дочерях Иоанна Петрالیфа известно следующее: первая, Мария, вышла замуж за одного из Сфрандзи, вторая стала второй женой Алексея Слава, болгарского деспота, третья, самая известная, Феодора Петрالیфина – св. Феодора из Арты – была женой Михаила II дуки Эпирского⁶². В Арте в церкви св. Феодоры сохранилась ее могила, украшенная скульптурными портретами ее и старшего сына Никифора с надписью “василисса Дукена Феодора”⁶³. Сыновья последней сестры предпочитали, вероятно, так подчеркивать свою связь с фамилией Дук.

Патроним Петрالیфы после середины XIII в. не имел распространения (как, например, Раули), и среди носящих его уже нет личностей высокого достоинства и влияния.

Таким образом, все три семьи с самого начала пытались сохранить свои имена как патронимы в новом обществе. Причиной этого была, как представляется, в первую очередь гордость за свой род и за деяния своих предков. Функционально аристократы-иноземцы принадлежали главным образом к военной знати. Во второй половине XI в. большая группа чужестранцев играла первостепенную роль в византийской армии. Родоначальники рассматриваемых семей выступали как советники Алексея Комнина, которые избрали новый путь служения и успешно включились в новые для них политические отношения. Они вступали в родственные связи с византийской знатью, в том числе с членами императорского дома, и постепенно становились “своими” в византийской правящей элите в качестве землевладельческой провинциальной аристократии. Особо важным для нас является то, что они, как мы попытались показать, до конца сохранили свое имя, постепенно превратившееся в патроним (Рогерии в меньшей степени, Раули и в большей степени Петрالیфы).

Как же обстояло дело с этими именами в Южной Италии – там, откуда в Византию, собственно, и отправлялись за удачей норманнские воины?

Здесь наше исследование, преследуя в первую очередь скорее историко-социологические, чем этнолингвистические задачи, имеет целью с помощью антропомического анализа актов выделить в среде населения Южной Италии XI в. пришлый норманнский субстрат. Нас будут интересовать прежде всего преномы и патронимы тех лиц, которые жили в этом регионе.

⁶² Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. Vol. I. Lipsiae, 1903. P. 39; PG. 127. 903–908; PLP 5664; Nicol D.M. The Despotate of Epiros. Oxford, 1957. P. 128–131, 149–160, 200–203; Polemis D.I. The Doukai... P. 166; PLP 5664, 23007, 16876, 27269; The Oxford Dictionary of Byzantium. P. 2038; *Георгий Акрополит. История / Пер., вступит. ст., коммент. и прил. П.И. Жаворонкова. СПб., 2005. С. 205–206. Примеч. 391.*

⁶³ Grabar A. Sculptures byzantines du moyen âge, II (XIe–Xe siècle). P., 1976. N 152.

Свои наблюдения мы строили на материале пяти сохранившихся архивов, опубликованном А. Гийу⁶⁴, исследуя в общей сложности около 134 греческих документов, – выборка, территориально охватывающая почти всю Калабрию и Восточную Сицилию. Греческие источники были взяты потому, что нас интересовал процесс ассимиляции норманнов в новой еще для них во второй половине XI в. греческой среде. При самом предварительном подсчете антропонимов, как показал А. Гийу, этнический состав (в процентном соотношении) исследуемого общества к середине XI в. выглядит следующим образом: 70% – греки; 17% – латиняне, 13% – арабы.

Во всем архивном комплексе латинские имена, упомянутые в документах, составляют лишь в монастыре Богородицы в селении св. Агафьи в Оппидо 17%⁶⁵, а в других местах их число существенно меньше. Однако это отражает реальную расстановку сил в регионе, предварительные наблюдения над которой нам и хотелось бы изложить.

Итак, тщетно искать в византийской Калабрии “детей франков” – Франкопулов. По актовому материалу к таковым может быть отнесен лишь один – “Лев Франк” – “Λέων ὁ τοῦ Φράγκου” (1042)⁶⁶. Этот факт говорит только об одном: что к середине X в. патроним на этой основе в южноитальянском регионе не сложился. Лишь для середины XII в. мы имеем прозвище по этнониму – “Франкопетр” – “Φραγκολέτρος” (1155)⁶⁷. Как показывает опыт изучения антропонимии⁶⁸, предок у этого человека может быть только один – Петр Франк, который жил примерно в первой половине XII в. или чуть ранее и носил такое прозвище.

Патроним Рогерий также не зафиксирован в Южной Италии и Сицилии. Имена людей с именем Рогерий можно разделить на две группы. Для первой объяснить это можно тем, что к X в. (как показывают общие французские исследования по антропонимике⁶⁹) превалировала система одного имени персоны, которая эволюционировала у аристократии гораздо быстрее – как на Востоке, так и на Западе – в систему двух имен: пренома и патронима. Для XI в. есть упоминание свидетеля в нескольких актах с 1128 по 1133 г.: “Рогерий, нотариус Склавопетр” – “Ρωχέριος νοτάριος Σκλαβώλετρος”⁷⁰. Его преном и патроним не оставляют сомнения в том, что он – норманн. Однако его патроним можно интерпретировать и как Петр Славянин. Вполне допустимым кажется предположение, что его норманнское происхождение

⁶⁴ *Guillou A.* Les actes grecs de S. Maria di Messina. Enquête sur les populations grecques d'Italie du Sud et de Sicilie (XIe–XIVe s.). Palermo, 1963 (Istituto siciliano di studi bizantini e neoellenici. Testi e monumenti pubblicati da B. Lavagnini. Testi, 8); *Idem.* Saint-Nicolas de Donnoso (1031–1060/1061). Città del Vaticano, 1967 (Corpus des actes grecs d'Italie du Sud et de Sicile, 1); *Idem.* Saint-Nicodème de Kellarana (1023/1024–1232). Città del Vaticano, 1968 (Corpus des actes grecs d'Italie du Sud et de Sicile, 2); *Idem.* La Théotokos de Hagia-Agathè (Oppido) (1050–1064/1065). Città del Vaticano, 1972 (Corpus des actes grecs d'Italie du Sud et de Sicile, 3); *Idem.* Saint-Jean-Théristès (1054–1264). Città del Vaticano, 1980 (Corpus des actes grecs d'Italie du Sud et de Sicile, 5).

⁶⁵ *Guillou A.* La Théotokos de Hagia-Agathè (Oppido).. P. 16.

⁶⁶ *Guillou A.* Saint-Nicolas de Donnoso... P. 17.

⁶⁷ *Guillou A.* Saint-Jean-Théristès... P. 77.

⁶⁸ *Shukurov R.* The Byzantine Turks of the Pontos // *Mésogéos*. 1999. 6. P. 35–36.

⁶⁹ *Anthroponymie et société villageoise (X^e–XIVe siècle) // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. T. II: VIIIe–XVe siècle / Ed. V. Kravari, J. Lefort, C. Morisson. P., 1991. P. 225–238.*

⁷⁰ *Guillou A.* Saint-Jean-Théristès... P. 10, 13.

ние уходит своими корнями в Далмацию. “Простой свидетель Рогерий Епископ” – “Ρωγέριος τοῦ Ἐπισκόπου” (1127–1128)⁷¹ – столь странное определение могло появиться, быть может, как намек на незаконнорожденное происхождение его владельца.

В одном из договоров купли-продажи встречается “Рогерий, судья судей” – “Ρωγέριος κριτῆς τῶν κριτῶν” (1144)⁷², по происхождению явно норманн, занимающий высокую должность, доставшуюся норманнским правителям в наследство от катепаната Италия византийского времени.

Заметим, что кроме Рогериев встречается лишь одно упоминание свидетеля на Сицилии, относящееся ко времени норманнского господства на острове: “Иоанн, сын Рауля Малакуруны” – Ἰωάννης υἱὸς Ῥαοῦλ Μαλακουροῦνα (1148–1149)⁷³, странный патроним отца которого (Μαλακουροῦνα) наводит на мысль об его арабском происхождении.

Встречается также интересное имя – “Καλακύριος τῆ ἐλονημία Ταβερνίτης καὶ βισκόμης κατὰ Ῥογερίου δὲ Λουτροῦ” (1156)⁷⁴. Перед нами – житель южноитальянского селения по имени Калокир, по прозвищу Тавернит (вероятно, владелец таверны?) и вице-комит (название особой должности в провинции) при своем синьоре. “Рогерий де Лютр” – что это, намек на профессию или прозвище, имитирующее франкские именованья по топонимам?

Калабрийский акт о продаже 1181 г. собственноручно составил “простой Рогерий, тзец и сын Иоанна Ота, пленный и тавулярий Вукиты” – “ὁ εὐτελής Ῥωγέριος ἀναγνώστος καὶ υἱὸς Ἰωάννου Ὁτου ἐχμάλωτος καὶ ταβουλάριος Βουκίτων”⁷⁵. У этого нотариуса Вукиты – красивая нотариальная подпись и отличный, необычайно грамотный и каллиграфичный, почерк. Текст акта написан элегантно, почти книжным греческим языком. Рогерий обладал высокой степенью грамотности, что является редчайшим исключением и резко выделяет его из основной массы составителей привлекаемых документов (это тем более удивительно применительно к концу XII в. для совершенно потерявшей связь с Константинополем Южной Италии). Патроним его отца Иоанна Ота может свидетельствовать о его германском происхождении. Сам нотариус определяет себя как “ἀναγνώστος καὶ υἱὸς... ἐχμάλωτος καὶ ταβουλάριος...” (“тзец и сын... пленный и тавулярий...”). Вероятно, Рогериев того времени в данном районе было много. И то, что мы видим здесь, – это попытка самоидентификации этого нотариуса Рогерия, его способ определить себя и выделиться из большого числа его тезок. Потенциально эти определения, конечно, являются патронимами.

Вторая группа имен свидетельствует об изменившихся условиях существования населения Южной Италии по сравнению со временем византийского господства в регионе. XII век – время укрепления норманнской власти в Южной Италии и Сицилии и поиска путей приспособления для местного греческого населения в условиях нового государства.

В акте судебного решения 1098 г. фигурирует родоначальник целой семьи – спафарокандидат Иоанн Мосхат. У него был брат Василий и сыновья: Генесий, у которого сын Рогерий – монах, и Николай, каваларий (особый

⁷¹ Ibid. P. 18.

⁷² Ibid. P. 40.

⁷³ Guillou A. Les actes grecs de S. Maria di Messina... P. 23.

⁷⁴ Guillou A. Saint-Jean-Théristès. P. 28.

⁷⁵ Guillou A. Saint-Nicodème de Kellarana... P. 38.

титул норманнской администрации на юге Италии) “ὁ τοῦ Ἀμαντινοῦ”⁷⁶, и его дети Рогерий и Иоанн. Что касается их патронима, а все они упоминаются в разных актах как Мосхаты, он, возможно, арабского происхождения. Вполне вероятно предположение, что к 1098 г. некий Иоанн, имея военный опыт, прибыл из Антиохии и, будучи крещеным арабом, осел в Южной Италии и стал основателем целого южноитальянского семейства Мосхатов. Сначала он давал своим детям греческие имена общехристианской номенклатуры (Генесий, Николай). Однако то, что его внуки носили в числе прочих имен эллинизированное норманнское имя Рогерий, – свидетельство того, как они приспособлялись к условиям нового господства. Этим же можно объяснить и то, что в последней четверти XII в. в актах, к примеру, появляются: “Рогерий, сын Григория Левка” – “Ρογέριος υἱὸς Γριγορίου Λευκοῦ” (1175)⁷⁷ (Григорий Левк по происхождению явно был греком и дал своему сыну норманнское имя) и “Рогерий, сын благочестивого Льва, логофета Мессины” – “Ρογέριος υἱὸς τοῦ μακαρίτου Λέοντος λογοθέτου Μεσσίνης” (1189)⁷⁸. Знатные люди “старого порядка” в Калабрии и Сицилии должны были приспособляться к новой ситуации, чтобы не потерять достигнутого социального и экономического положения. По частнопроводимым актам прослеживаются пути достижения этой цели путем матримониальных союзов у высшей провинциальной знати. Но это предмет особого исследования⁷⁹.

Итак, если в Византии норманны, гордящиеся своими предками, пытались сохранить свои имена, и они с течением времени становились патронимами, но все же постепенно они перенимали греческие имена и полностью интегрировались в византийское общество, то в Южной Италии отсутствие норманнских патронимов для тех же имен можно объяснить иными историческими условиями. Слишком мал был срок – одно поколение – от момента первого столкновения норманнов с византийцами в Южной Италии до установления ими там своего господства. Патроним не успел образоваться и закрепиться, так как государство уже управлялось норманнами, и необходимость в полном растворении “чужих” в греческой среде отпала. Однако в XII в. для греческой среды Южной Италии характерны те же пути приспособления к местному окружению, которые осваивали норманны в Византии: владение греческим языком, принятие православной веры и взаимное породнение богатых и знатных правящих семей.

---

⁷⁶ *Guillou A. Saint-Jean-Théristès... P. 120.*

⁷⁷ *Guillou A. Les actes grecs de S. Maria di Messina... P. 11.*

⁷⁸ *Ibid. P. 152.*

⁷⁹ Так, мы знаем Рогерия Мессинского (до 1166 г.), сына Иоанна Секрета (высшего чиновника казны норманнских королей), – грека, женившегося на гречанке Уло Графеа, дочери архонта Секрета, Иоанна Графеа, грека, крупного земельного собственника на Сицилии и на юге Калабрии (*Guillou A. Les actes grecs de S. Maria di Messina... APP II (1189); Spata G. Le pergamene greche esistenti nel Grande Archivio di Palermo. Palermo, 1861. P. 293–296 = Cusa S. I diplomati greci ed arabi di Sicilia pubblicati nel testo originale, tradotti ed illustrati. Palermo, 1861. P. 432–434 (акт датирован апрелем 1183 г.)*). Заметим, что сестра Уло вышла замуж за норманнского барона Гульельма Марторанского – тоже своеобразный путь интеграции в сложившихся условиях уже норманнского правления в регионе второй половины XII в.